

Малые Улеташки (заметки путешественника)

Автор уж особо и не припоминает, а, быть может, и припоминает, да знать не хочет, как оказался в этой богом забытой деревеньке, да и имеет ли это значение? Ведь факт не изменить – оказавшись здесь впервые, ты вряд ли отыщешь обратный путь. История всё ж такова, и уж простите вы меня, старика, если где и привру, давно ведь было это, при царе ещё батюшке. В ту злополучную ночь я возвращался в Подмухины Можжевеловки с небольшим фургоном отборнейшего фуража для не менее отборных породистых лошадей. И токмо стоило мне заехать в Малые Улеташки, как скрипучее правое переднее колесо фургона разлетелось вдребезги, а осколки улетели в ближайшую лужу, огрев по пятаку мирно похрюкивавшего от приятных сновидений поросёнка, самодовольно развалившегося в ближайшей луже. Тот спросонья не разобравшись что и к чему, поднял такой дикий визг, что пробудил к жизни всех местных дворняг, котов и полдеревни жителей впридачу, перевернув и вылив на себя покоившийся возле забора чан с ледяной дождевой водой. Огретый по пятаку и ошпаренный прехолодным душем, молодой свин от страха направил свои копытца в ближайший лесок, где, судя по всему, его благополучно скушали волки, поблагодарив меня за трапезу и улучшив тем самым мою личную карму. Я, конечно же, не преминул выскочит из фургона и огреть по тубетейке укутанного в тулуп кучера Емельяна Гэль, этого сукина сына, которому ещё месяца три назад барским указом велел заменить старое и растрескавшееся от качества наших губернских дорог колесо с применением особой осевой смазки, дабы стержень повозки без труда вращался в отверстии колеса. Однако же Емеля посмел ослушаться моего высочайшего приказа, и посему мы теперь соизволили законные плоды, порождённые идеальным сочетанием русских дураков с русскими же дорогами. На поднятый шум-гам выбежала хозяйка злополучного поросёнка. Одета она была в сарафан, лапти, чепец, ночные лунозащитные очки, по традиции применяемые оборотнями в целях защиты от превращений, при этом хозяйка держала в правой руке сковороду, а в левой – мухобойку.

- Разрешите представиться, - отрапортовала она, - Мария Амфибрахьевна Сучрай, владелица местного публичного дома, а муж мой – Павел Гобеленович Сучрай, знаете ли, большой трезвенник и собачник, что для нашей деревни почти одно и то же. А Вас как величать изволите, господин знатный?

- Фелан Аскимович Евсипеенко к вашим услугам, - я вытряхнул из котелка одну из георгин, плантациями росших на полях моей благородной шляпы, и вручил цветок Марии Амфибрахьевне, учтиво поклонившись. – Не изволите ли потерпевшему аварию путнику кров предоставить на ночь? Я был бы Вам за это бесконечно благодарен.

- Отчего же нет? – откликнулась Мария, - проходите, конечно, гостем дорогим будете. Только понимаете, какое дело, мы с мужем никак не могли раньше решить, что для деревни важнее – мои красные девицы или его гончие барбосики. Даже ссорились из-за всего этого постоянно, но впоследствии поняли, что одному чему бы то ни было здесь не место, и впервые в истории объединили псарню с гостиницей расширенного услужения. – Мария нажала на какую-то кнопочку на мухобойке, и между квадратиков мухобойной сеточки вспыхнули разноцветные молнии. – А это, дорогой мой, изобретение местного умельца – Сеньки Криворукого. У него же как – что ни день, то новое изобретение! Но извольте следовать за моей мухобойной электrolучиной, и сами всё увидите и поймёте.

Я последовал за хозяйкой дома вовнутрь помещения и оказался в круглой зале с красивыми столами и античного вида колоннами, где верхом на далматинцах, лабрадорах, колли, догах и медведподобных бочках чау-чау разъезжали нагие девушки с цветами волос настолько противоестественных оттенков, что складывалось впечатление, будто некие из них пропитывали свои пышные вьющиеся шевелюры ртутной киноварью, а иные же разводили там, по всему судя, ни что иное, как сине-зелёные водоросли. Причём волосы,

имевшие у девушек характерный окрас во всех частях тела, где волосам расти надлежит, настолько гармонизировали с осёдланными собачками, что складывалось впечатление, будто по зале разъезжают усохшие в размерах мохнатые кентавры, променявшие за долгие столетия, прошедшие со времён Античности, свои статные конские тела на жилистые, приземистые и извитые тушки породистых пёсиков. Меня попросили следовать в комнату, самую дальнюю из всех, и почему-то с маленькой и узкой круглой дверью, выполненной в виде пентаграммы. За дверью обнаружился вполне себе просторный холл, в котором работал над баночками и скляночками какой-то человек в очках, державший зубами промасленный бычий ремень, источавший аромат фиалок.

- Сенька Криворукий, - представился человек, протянув руки, и впрямь оказавшиеся кривыми. Локти его рук были вывернуты наизнанку, ногти отсвечивали лазурно-бирюзовой благородной синевой, а из щетинистой башки торчала гигантская сигара, скрывавшая никак не менее двух третей его лица – лица великого изобретателя Сеньки Криворукого. – Позвольте, барин, представить Вам мои изобретения. Вот это – ночнужка – слизевик для оукливания. Она очень любит обволакивать тела, в том числе и, так сказать, не совсем живые. А вот это – пищевой фонарь – Вы изволите его кушать, а он изволит освещать ваши внутренности. Незаменим в ночных путешествиях. При взаимодействии с желудочным соком особый химический состав пищевого фонаря начинает исторгать очень яркое люминесцентное свечение. Осталось только оголить пузо – и Вы уже нигде не заблудитесь. А вот это – вилы-глобус. Ими вполне можно разгрести сеновалы, разгоняя предающиеся плотским утехам парочки, но если Вы соизволите вдруг поворачивать эти вилы быстро-быстро, как если бы скатывали себе хлеб между ладонями, то особый хромированный узор вилок образует прозрачный глобус, висящий в воздухе. А вот это – он поднял над головой страшное склизкое существо со множеством глазок, хоботом и неизменными, будто бы остекленелыми крапинками, вот это – дракончик – кошачья монета. – Существо вытаращило все шесть глаз и начало обильно выделять через поры какую-то жидкость, от которой пахло свежескошенной травой, сиренью и ржаным хлебом одновременно. – Если Вы изволите пожелать, дабы домашняя кошка выполняла хозяйственные или сельскохозяйственные работы, да хоть бы и кучером у лошади Вашей была – платите ей дракончиком - кошачьей монетой, и всё – кошка будет вашей вся, от начала и до конца. На полке Вы, дражайший Фелан, можете наблюдать планирующий автолоп полиэтиленовой пупырчатки. Он в полёте имитирует брачный зов летучих мышей, направляя стаи из ближайших пещер на пупырчатый полиэтилен для автолопанья с высокой производительностью и коэффициентом полезного действия. А вот здесь, в горшочках, я вырастил ничто иное, как самые настоящие живые одеколонные цветы. Они накапливают в полостях, образовавшихся из разросшегося цветоложа, особую ароматическую жидкость, при этом весьма болезненно реагируют на яркое освещение. Если на одеколонный цветок посветить фонариком, то он, дабы защититься, схлопывает свои лепестки, которые начинают давить на ароматическую полость, одеколон из которой в целях отпугивания врагов распыляется в окружающее пространство через разветвлённую сеть дыхалец и канальцев. Вот этот цветок пахнет сыром, тот же вон там – пёсиками, а рядом – шерстяными носками, и ещё чуть дальше – свежесрубленным конским хвостом. Вы когда-нибудь рубили конский хвост шашкой? Уверен, что никогда не рубили. А напрасно, напрасно – очень достойное занятие! В аквариуме Вы можете наблюдать мою недавнюю разработку – лобстера-будильник. У него на брюшке ровно двадцать четыре деления, и если нажать на одно из них, то ровно в тот час, который соответствует номеру чешуйки на пузике лобстера, он вылезает из своего аквариума, заползает Вам в трусы и начинает щекотать там усами и хватать клешнями за всё, что там нащупает, чем, собственно, и изволит привести Вас в чувство в назначенный ему срок. А сей красный перчик – ничто иное, как конский ускоритель. Он обладает особенной степенью жгучести, поэтому, будучи вставленным в задний проход Вашей лошади, увеличивает скорость поездки от полутора до двух раз даже без применения кучером

кнута. Сей же стержень – видите – девичья потеха, радиовибратор. Будучи включенным, он настраивается на волну какого-нибудь романтического канала, вибрирует с радиочастотой да песни поёт оттуда. Видите ползающую по столу зверушку? На самом деле, это дымовая граната, правда, она ещё не созрела. Ух – деловушая, ажно волосы дыбом на нас! Хотя, если честно, то это – улитка-дождевик, гриб то бишь. Пока он ещё маленький, то у него имеется брюхо-присоска, как и у всех прочих брюхоногих улиток. Но когда споры созревают, то он останавливается, придавленный под тяжестью собственных спор. Тогда его можно хватать и бросать – накопившихся внутри спор достаточно, чтобы создать эффект дымовой гранаты, плотную деревянного цвета грибную завесу.

Когда я покинул комнату Криворукого было уже далеко за полночь. Вблизи не оказалось ни повозки моей, ни мерина, ни кучера. А в опочивальне не оказалось даже постели. Зато вместо неё оказалась белая овца. Хорошая такая овца, добротная. Пушистая. Пористая, как губка. Посмотрев на меня она сказала: «Ты Луну мою не тронь – я была хороший конь. Но попала в этот грот. Всё теперь наоборот. Сенька дал мне эликсир – он убрал излишний жир. У меня внутри огонь – я овца теперь, не конь. Машка развела бордель, всем даёт особый гель. Кто им хрен намажет раз – тот откроет третий глаз. И вообще её чепец не для вынутых сердец. Оттого ли без ключа держит маленьких девчат?» Ну а мне ничего не осталось, кроме как сесть на болтливую овцу и поехать, ибо использовать её в качестве кровати было не вполне удобоваримо. По пути, проезжая сквозь залу, я обратил внимание, что всем «собачьим» девушкам и впрямь нельзя дать более, как тринадцать или четырнадцать лет. Не старше! Когда же я доехал на овце до леса – то изумлению моему не было предела – лес тянулся и отпружинивал моё брненное тело обратно в сторону деревни, причём вместе с овцой. Упруго и эластично. Внезапно меня догнал Криворукий с криком: «Топор наш – детям радость, мы ж всё равно в балде!» Сенька вручил мне золотой топор с древнеавилонской клинописью. Так и еду вот с тех самых пор с золотым топором наперевес из Малых Улеташек. Да только уехать вот всё никак не могу.

*Белусов Роман,
20 октября 2010 года.*